

ОГОНЬКИ В ГЛУШИ

Детское царство С.Т. Шацкого

Юрий Скаткин

С.Т. Шацкий, В.Н. Шацкая

В 1911 году недалеко от 15-го разъезда (ныне ст. Обнинское) Киевской ж.-д. Калужской губернии Малоярославецкого уезда появилось необычное поселение, названное детской трудовой колонией «Бодрая жизнь». Основателем её был выдающийся русский педагог Станислав Теофилович Шацкий (1878–1934).

Землю для колонии и помощь в строительстве помещений предложила местная помещица М.К. Морозова, сотрудничавшая с С.Т. Шацким в московском обществе «Детский труд и отдых». В колонию приехали дети из Марьиной Рощи — московской рабочей окраины. Шацкому и его друзьям-энтузиастам удалось создать в колонии благоприятные условия для труда и отдыха детей. После Октябрьской революции колония становится постоянным учебным заведением. А в 1919 году на базе школы-колонии и 15 школ близлежащих деревень С.Т. Шацкий создаёт Первую опытную станцию Наркомпроса. Здесь под руководством Станислава Теофиловича и его коллег успешно решались проблемы обучения и воспитания школьников, формирования детского коллектива и самоуправления.

Колония оказывала огромное культурное влияние на окружающие школы и деревни Малоярославецкого, Боровского и Угодско-Заводского (ныне Жуковского) районов. Здесь работали талантливые педагоги: Валентина Николаевна Шацкая (жена Шацкого), Теодор Теофилович Шацкий (брат С.Т. Шацкого), Елизавета Алексеевна Шацкая (жена Т.Т. Шацкого), Николай Павлович Кузин (впоследствии академик АПН СССР), Павел Алексеевич Фаворский, Евгения Михайловна Кадомская.

После смерти С.Т. Шацкого в 1934 году школе-колонии было присвоено его имя и она стала называться Школа-колония «Бодрая жизнь» имени С.Т. Шацкого. Школа действовала до 1941 года. В трудную годину войны она была эвакуирована в Челябинскую область, а многие выпускники добровольно ушли на защиту Родины.

Созданная после войны (в 1946 г.) на месте прежней колонии, школа в городе Обнинске (Малоярославец-1) по праву наследницы восстанавливает память о прекрасном педагоге С.Т. Шацком и его коллективе, об уникальной школе-колонии. Вот об этой школе-колонии «Бодрая жизнь» и написаны очерки. Автор — воспитанник колонии Юрий Николаевич Скаткин. По профессии он художник, участник Великой Отечественной войны. Долгие годы работал художником-оформителем в музеях Москвы. Его живописные работы экспонировались на многих художественных выставках. В настоящее время пенсионер, живёт в Москве.

В очерках главный герой выступает под именем Шуры Сорокина. Это художественный приём автора, хотя всё, что пережил Шура, имеет прямое отношение к автору.

Очерки дают яркое представление о жизни колонии «Бодрая жизнь» в 20-е годы прошлого века. Это был период её становления, когда любимое детище С.Т. Шацкого привлекало многочисленных отечественных и зарубежных педагогов, желающих изучить и перенять творческий опыт выдающегося педагога-новатора.

А.М. Кузьмичёва,
заслуженный учитель школы РСФСР,
г. Обнинск Калужской области

Памяти Валентины Николаевны и Станислава Теофиловича Шацких

Огоньки в глуши

— Вот мы и приехали! — сказал мне брат, когда поезд начал тормозить и пронзительный гудок паровоза оповестил, что семафор проехали. Поезд тащился целых четыре часа. Можно было подумать, что мы уже где-то на краю света. А мы отъехали от Москвы всего сто вёрст. Поезд, звякнув буферами, остановился. Мы спрыгнули со ступенек и очутились в непроглядной темноте. Моросил дождь. Вдали мелькнули огоньки фонарей. Видимо, кого-то встречают. Просвистел свисток кондуктора, гудком откликнулся паровоз, и поезд, лязгнув буферами, потащился дальше. Встречающие махали фонарями.

— Пойдём, обследуем, что за народ, — сказал брат. Поравнявшись с тёмными фигурами, которые все ещё махали фонарями, мы поздоровались и брат спросил, не из колонии ли они.

— Оттуда, — пропищал голос одной из фигур, — тётю Тину встречаем.

— Очевидно, она с этим поездом не приехала, — сокрушённо пояснила другая фигура. Она оказалась повыше первой.

— А вам в колонию надо?

— Да, вот пополнение вам везу, — отвечал брат, показывая на меня. Я стоял, переминаясь с ноги на ногу, поправляя кепку и стряхивая капли дождя с поношенной кожаной курточки. Тот, что пропищал, поднял фонарь и осветил мне лицо.

— Как звать-то?

— Шу-урик, — заикнулся я.

— Ну, Шурик-Мурик, тебе повезло, что мы тебя встретили, у нас здесь дороги первобытные, без фонаря по ним ходить рискованно. Вы со своим пополнением идите за мной, — обратился встречающий к брату, — а Вася будет светить вам сбоку.

Фонари скудно высвечивали дорогу между кустарниками и деревьями. Под ногами чавкало и булькало. Ноги разъезжались в разные стороны.

К счастью, наше путешествие продолжалось недолго. Мы перешли через овраг. Впереди показались освещённые окна домов. Это и была колония.

От дома к дому шли деревянные мосточки. Шагать стало веселее. Вместе с провожатыми мы пришли к дежурному по колонии, который и устроил нас на ночлег.

Моё появление в колонии «Бодрая жизнь» было предreshено ещё месяц назад специальным утверждением совещания её сотрудников. В нём указывалось:

«По тщательном рассмотрении кандидатов со стороны их умственного продвижения и социального имущественного положения родителей совещание утверждает к приёму следующих ребят на 1924/25 учебный год:

Приходящие:

дер. Кабицино: Сучкова Прасковья, Сучкова Пелагея.

Живущие:

дер. Величково — Кондрашов Валентин,

дер. Кривское — Панкин Иван,

Москва — Сорокин Александр.

В общежитие ребята приносят с собой чехол для матраца — 1, одеяло — 1, подушку — 1, бельё или платье — по 3 штуки, сапоги и валенки. Постельное бельё выдаётся в колонии».

Я оказался вполне подходящим кандидатом в колонисты и «по умственному продвижению», и по «имущественному положению». Но действительным колонистом я буду считаться после того, как меня примет общее собрание колонии.

На свидании с Шацким

Мы проснулись от громкого крика:

— Вставайте! Вставайте! — кричал звонкий детский голос в коридоре, сопровождая свои возгласы стуком в двери комнат. От этого вторжения я не сразу понял, где нахожусь.

— Что-нибудь случилось? — спросил я у брата.

— Ничего страшного. Дежурный колонистов будит. Давай одеваться. Сегодня воскресенье и нам дали лишний час поспать.

Вскоре мы услышали какой-то странный сигнал — редкие удары по какому-то металлическому предмету.

— А это уже на завтрак зовут, — пояснил брат, он знал все порядки в колонии. И не удивительно. Он учителствует в соседней деревне. Мы вышли на улицу. Дождь прекратился, было ещё сыро. Капли дождя, уцелевшие на желтеющих листьях деревьев, сверкали, озаряемые солнцем. По дороге в столовую я увидел висевший на суку большой ели обыкновенный буфер от железнодорожного вагона. На широкой его части лежала палочка. Вот, оказывается, откуда исходили звуки сигнала, зовущего колонистов на завтрак.

Чуть поотстав от брата, я подошёл к буферу, взял палочку и легонько ударил по нему. Буфер отозвался приглушённым звоном.

— Ты что, с ума сошёл! — закричал, обернувшись, брат. — На завтрак уже звонили, подумают, что теперь на пожар зовут!

Летняя кухня с большой открытой верандой располагалась около того оврага, через который мы перебирались вчера вечером. За столы с шумом усаживались девочки и мальчики, пододвигая друг другу тарелки и кружки. Дежурный по столовой, увидев незнакомцев, поспешил к нам навстречу и, поздоровавшись, усадил нас за крайний стол на свободное место, где уже стояли тарелки с кашей, кружки с кофе и лежали большие куски белого хлеба.

— Подзаправились? — спросил брат, когда увидел, что я допил кофе. — Тогда пошли. Я познакомлю тебя с Шацким.

— С самим Шацким? — испуганно спросил я.

— У тебя что, душа в пятки ушла?

— Не-е, я просто так.

— Ну, раз просто так, пошли.

«Интересно, какой он, этот Шацкий? — думал я. — Наверное, строгий и в очках».

Мы миновали сад, где попевали аппетитные яблоки, и подошли к дому.

Около цветника я увидел полного, среднего роста курчавого человека. На нём была белая рубашка, подпоясанная шнурком. Это и был Шацкий.

— Здравствуйте, Станислав Теофилович, — поздоровался брат.

— А, Михаил Николаевич! Доброе утро, — весело ответил Шацкий.

— Вот, доставил меньшего, — сказал брат, подвигая меня к Шацкому.

— Ну, давай знакомиться, — протянул мне руку Станислав Теофилович, — я — Шацкий.

— А я Александр, — осмелев, ответил я.

— Ну, а если не так торжественно, — улыбнулся Шацкий, — Шура или Саня?

— Шура.

— Вот и хорошо, что Шура, а то Саня уже имеется. Тебе не трудно будет в колонии? У нас ребята не только учатся, но и трудятся и в поле, и в огороде, и на скотном дворе, и даже на кухне обед готовят. Ты любишь трудиться? Что-нибудь умеешь делать?

— У нас семья большая, я десятый, самый младший, и мама нас приучила не сидеть без дела. Я и посуду мою, и пол, если надо, мою, дрова колю, печку топлю, в магазин за продуктами хожу, — бойко отвечал я Шацкому.

— Ты молодец, Шура, — похвалил меня Шацкий, — правда, в магазин тебе здесь ходить не придётся. У нас и магазинов поблизости нет, одна чайная на станции, а вот по-

суду мыть обязательно будешь, да не десять тарелок, как у вас дома, а целых сто, столько, сколько колонистов. Главное, чтобы тебе нравилось трудиться и не скучно было учиться. Тогда и трудиться, и учиться легко будет.

Потом Шацкий сказал, что вечером придет Валентина Николаевна:

— С ней и решите, в какую группу тебя определить, а пока с ребятами познакомься.

Когда мы распрощались с Шацким, я спросил брата:

— А кто такая Валентина Николаевна?

— Жена Шацкого. У него очень много важной работы в Москве, он здесь наездами бывает. А Валентина Николаевна колонией заведует. Это её вчера ребята встречали, а встретили нас.

Заботливый экскурсовод

Моё знакомство с колонистами началось сразу же, как я расстался с Шацким и братом. Я пошёл осматривать владения знаменитой «Бодрой жизни».

— Эй, посторонись! — услышал я позади себя окрик. Двое ребят несли носилки с мусором. Щепки и стружки оставляли за собой след на тропинке.

— А кто за вас мусор подбирать будет? — проворчал я им вслед. Они остановились, положили носилки и подошли ко мне.

— А ты на что?

Один из них был высокий и худой, другой невысокого роста и смуглый.

— Новенький, что ли? — спросил худой.

— Вчера только приехал, — ответил я, разглядывая тех, кого зовут колонистами.

— Как звать-то?

— Шура, — ответил я.

— Давай знакомиться, — сказал смуглый, — меня зовут Паня.

— Ты что, девочка, что ли? — удивился я, услышав его имя. Паня по фамилии Волков начал меня просвещать. Его так зовут потому, что в колонии оказалось три Павла. И чтобы не было путаницы, Павлов превратили в Паню, Пашу и Павлика.

— Вот этот, длинный, и есть Павлик, — указал Паня Волков на своего помощника, — а по фамилии Краснощёков.

— Вот и помощник нашёлся, — обрадовался Павлик, — займись для начала вон той метёлкой.

Когда мусор был убран, Паня Волков сказал:

— Пойдём, Шура, я тебе нашу колонию покажу. — Мы пошли по дорожкам, проложенным среди молодых берёзок и елей. По обеим сторонам дорожки красовались всевозможные цветы.

— Мы их сами в оранжеее выращиваем, — похвалился Паня. Мы подошли к двухэтажному дому, похожему на пароход.

— Это наш старичок, — усмехнулся Паня, — самый первый дом в колонии. Теперь здесь не живут. Внизу столярная мастерская, а наверху швейная и бельевая. А вот этот белый дом построен недавно. Здесь мы учимся. Пошли дальше.

Паня подвёл меня к одноэтажному дому, расположенному буквой «П». Окна были со множеством переплётов.

— Это тоже один из первых барачков. Здесь у нас общежитие, столовая и библиотека. Запоминай, Шура.

Потом Паня подвёл меня к странному зданию. Три избушки стояли вместе, прижавшись друг к другу. Только первая избушка была пониже, вторая повыше, а третья опять пониже.

— Это наш изолятор, — указал Паня на первую избушку. — Как температура подскочит или глотка заболит, так болящего сюда, чтобы других не заразил. В средней избушке — баня. Рядом с баней Гавгуша живёт.

— Она баней заведует?

— Да нет, Шура! Это мы так ласкательно зовём нашего художника Гаврилова Алексея Владимировича. К нему в мастерскую мы как-нибудь потом ходим. А сейчас на скотный двор лучше пойдём.

— А это что за штука с ручкой? — спросил я Паню, когда мы подошли к большому железному колесу, укрепленному между двух столбов.

— За эту ручку и тебе придётся подержаться, когда в бане дежурить придётся, — ответил Паня.

— А крутануть можно?

— Попробуй, покрути. Вот когда двести пятьдесят оборотов отмахнешь, так считай, что бак наполнился водой. Нагревай и мойся.

Скотный двор стоял у самого леса. Коров не было. По двору разгуливали куры, а в стороне копошились индюшки. Их охранял большущий индюк. Увидев нас, он насутился и сердито забормотал. Через широкие ворота мы вошли в коровник. Над каждым стойлом висела табличка с надписью: «Лебеданга», «Пушка», «Шляпка», «Рыжка», «Краснуха», «Милка».

— А коров девочки доят? — спросил я у Пани.

— Мальчикам тоже достаётся, — ответил он, — и коровы даже не обижаются. Вот придёшь скотником дежурить, во всём разберёшься, что к чему. И навоз убирать придётся, и коров кормить, и сено убирать.

Экскурсия наша по колонии подходила к концу. Паня сказал, что я очень любознательный экскурсант и что у меня большие хозяйственные задатки.

Мы вернулись к игровой площадке и присели на скамейку. Паня Волков снова заговорил:

— Мы с тобой, Шура, прошли по колонии, которая уже приобрела вид благоустроенного посёлка. А ведь первые колонисты были подобны Робинсонам. Для того чтобы построить первый дом, нужно было вырубить лес, выкорчевать пни, провести дорогу, найти место для огорода и сада. Девочки, когда приехали, даже испугались, что они в лесу будут жить.

— Это даже интересно, — продолжал Паня, — но и не очень-то легко было ребятам и сотрудникам в роли первопроходцев, или, как они сами себя называли, в роли колонистов. Поэтому их поселение и стало называться колонией.

Паня закончил свой рассказ, а мне не верилось, что всё им рассказанное происходило именно здесь, где мы сейчас находились.

ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА

На другой день я попросил Паню Волкова познакомить меня с Валентиной Николаевной. Она ещё вчера должна была приехать из Москвы. Мы направились к дому Шацких.

— Приехала! — подтвердил Паня. — Видишь, это она с девочками разговаривает.

Увидев нас, Валентина Николаевна прервала беседу с двумя девочками, которые, очевидно, занимались важными садовыми делами, и направилась к нам.

Паня подтолкнул меня в спину, и я очутился подле Валентины Николаевны. Мы поздоровались.

— Валентина Николаевна, — сказал Паня, — этот стеснительный молодой человек хочет познакомиться с вами.

— Доброе утро, ребята! — улыбнувшись, ответила Валентина Николаевна, — давай знакомиться, Шура Сорокин. Мне Шацкий сказал, что ты уже в колонии. Я таким

тебя и представляла... Что же мы на дорожке стоим, — спохватилась Валентина Николаевна, — пойдёмте на скамейку сядем.

Мы прошли к дому и уселись на садовой скамейке: Паня с одной стороны Валентины Николаевны, я — с другой стороны. Была Валентина Николаевна невысокого роста, худощавая, с короткой причёской, говорила немного в нос, ходила мелкими шагами.

Потом я узнал, что Шацкого колонисты звали по фамилии и были с ним на «ты», а к Валентине Николаевне обращались на «вы» и звали тётей Тиной или Валентиной Николаевной.

Валентина Николаевна спросила меня, познакомился ли я с колонистами.

Я ответил:

— С некоторыми уже успел.

Потом важно добавил, что таких заботливых колонистов, как Паня Волков, я ещё не встречал.

— Он у нас настоящий хозяин колонии, поэтому и заботу проявляет о новичках, — похлопала Валентина Николаевна Паню по плечу. Потом Валентина Николаевна поинтересовалась, сколько групп я кончил.

— Четыре, — ответил я.

— Тебе, Шура, одиннадцать лет. Ты не будешь возражать, если мы тебя ещё годик в четвёртой группе подержим, у нас программа посложнее и впоследствии тебе учиться легче будет.

Я не стал возражать, потому что я же не за плохую успеваемость снова буду в четвёртой группе учиться, а для прогресса в будущем.

— Ну и хорошо, что согласился, — удовлетворённо сказала Валентина Николаевна. — До занятий пока ещё далеко, но в наши общественные работы тебе придётся включиться, а пока ещё один денёк погуляй. У нас, Шура, такой порядок: три дня ты у нас гость и можешь не принимать участия в общественных работах, а дальше нарядчик Ваня Орлов скажет, где тебе трудиться. Потом ты выберешь себе какую-нибудь комиссию: садоводную, огородную, полеводческую или благоустройственную и ты уже будешь знать свои обязанности. Трудятся колонисты два часа утром и два часа вечером, — объясняла мне Валентина Николаевна.

И Шацкий, и Валентина Николаевна так подготовили меня к встрече с общественными работами и с дежурством по столовой, что я уже готов был хоть завтра приняться за дело. Но на встречу с коровами меня пока не тянуло. Надо только уточнить у ребят: что это за благоустройственная комиссия?

Пока я подводил итоги встречи с Валентиной Николаевной, она продолжила разговор:

— Вот, Шура, ещё о чём я хотела поставить тебя в известность. На днях будет общее собрание, я представлю тебя колонистам, и если собрание решит принять тебя в колонию, ты станешь полноправным колонистом.

Так не очень утешительно Валентина Николаевна закончила беседу.

— У нас ребята рассудительные, — сказал молчавший всё это время Паня Волков, — они наверняка не будут возражать против твоей кандидатуры. Правда, Валентина Николаевна?

— Я тоже так думаю, — улыбнувшись, ответила Валентина Николаевна. Мы встали со скамейки, попрощались и вышли из сада. Вечером я долго не мог заснуть. Мне представилось общее собрание, на которое пришли сто девочек и мальчиков, чтобы решать важный вопрос, имеющий немалое значение для колонии, — приняли ли в свой коллектив ещё одного мальчика, оправдает ли он их доверие, если они примут его в свои ряды? А вдруг не примут? А мне очень хотелось стать полноправным колонистом.

Пора приниматься за работу

Я пробездельничал, как положено, ещё один день. После ужина Паня сказал мне:

— Пойдём посмотреть наряд на завтрашний день. Тебя, наверное, уже включили в работяги.

Мы подошли к большой доске, висевшей на веранде летней столовой. Лист бумаги, прикрепленный к доске, был расчерчен вдоль и поперёк. Слева стояли фамилии колонистов. Против каждой фамилии указывалось, кому где работать.

— Ищи свою фамилию, номер, — подсказывал мне Паня, — нашёл? Теперь проведи пальчиком вправо и увидишь, куда тебя определили.

«Только бы не к коровам», — подумал я. Против своей фамилии я увидел спасительное слово «огород».

— А что-то я тебя не нахожу? — спросил я у Пани.

— А я уже вторую неделю знаю свои обязанности. Заболтался я с тобой, мне коров доить пора.

Утром я опять услышал возгласы: «Вставайте! Вставайте!» На этот раз мне не очень хотелось быть дисциплинированным, и я, закутавшись с головой одеялом, решил маленько подремать.

— А тебе особое приглашение требуется? — стягивая с меня одеяло, сказал кто-то из ребят.

Я вскочил, умылся и побежал в столовую пить молоко. А теперь пора приниматься за работу. Следуя распределению нарядчика, я отправился в огород. Он располагался слева от главного въезда в колонию, а к огороду примыкал сад, который тянулся до оврага. Погода была чудесная. Солнце по-летнему прогрело землю, берёзки одевались в золотой наряд.

В огороде я увидел высокого мужчину, окружённого ребятами. Очевидно, он распределял работу, я понял, что и мне следует направиться к нему. Меня обгонял ещё один торопившийся мальчик. Я остановил его и спросил, с кем разговаривают ребята. Он ответил, что это наш учитель по сельскому хозяйству Петр Алексеевич Завитаев.

— Иди к нему, он скажет, чем тебе заняться, — посоветовал мальчик.

Когда ребята разбрелись с лопатами по огороду, я подошёл к Петру Алексеевичу и пояснил, кто я такой и по какому поводу очутился в огороде. Пётр Алексеевич оказался очень радушным. Выглядел он молодожаво. Одет был просто — в светлой рубашке, подпоясанной ремешком, в тёмных брюках. Говорил с улыбкой. Он одобрительно отнёсся к моему желанию быстрее приобщиться к трудовым навыкам и, предложив мне выбрать лопату полегче, позвал курчавого черноглазого мальчика, которому сказал:

— Роман! Возьми этого молодого человека с собой на морковь и помоги ему освоиться.

Мы направились к грядкам с морковью.

— Начинай вот с этой. Да не торопись.

Распорядившись, Роман отошёл к другим ребятам.

Решив, что лопата мне ни к чему, я ухватился обеими руками за ботву, как тот дед за репку из сказки. Но ботва отрывалась, а морковь оставалась в земле. Тогда я пустил в ход лопату, но когда я перевернул пласт земли, то увидел, что морковка оказалась перерезанной. Я переменял позицию и стал копать сбоку, но результат получился такой же неутешительный. Увидев первые результаты моей трудовой деятельности, Роман сердито сказал:

— Э-э, так дело не пойдёт! Винегрет на кухне будем делать.

Показав мне, как нужно копать, и убедившись, что дело у меня пошло, похвалил:

— А ты, видать, понятливый.

Освоившись, я быстро одолел одну грядку и принялся за другую.

— Ой, у нас новый трудяга появился! — услышал я сзади себя чей-то голос. Оглянувшись, я увидел двух девочек с корзинкой.

— Это всё твоя работа? — спросила одна из них, указывая на выкопанную морковь. Я с гордостью подтвердил:

— А то чья же!

— Ну, ты даёшь! Нам до вечера твой урожай не перетаскать, — похвалила девочка. Мы познакомились. Они наполнили корзину морковью и понесли к другим девочкам, которые обрубали ботву. Так понемногу я знакомился с обитателями колонии. На вечерней работе мы встречались как старые друзья. А в трудовых навыках я уже проявлял первые успехи.

Колония пополнилась ещё одним колонистом

Не прошло недели, как Валентина Николаевна пригласила меня на общее собрание.

Я никогда не был на общих собраниях, и, когда увидел так много шумных девочек и мальчиков, и больших, и маленьких, и учителей колонии, которых называли сотрудниками, я стал дрожать, как осиновый лист.

За столом появились двое колонистов. Один из них, утихомирив ребят, объявил собрание открытым, а второй стал что-то записывать.

Я не слышал, кто о чём потом говорил, что там решало собрание. Я только и думал о том, как Валентина Николаевна будет рассказывать про меня и как общее собрание будет рассматривать мою тощую фигуру. Я даже не заметил, как Валентина Николаевна подошла к столу, и, лишь услышав её голос, понял, что начинается самое страшное.

— Ребята! — начала говорить Валентина Николаевна. — Я хочу представить вам нового мальчика Шуру Сорокина, приехавшего из Москвы. Его отец был доктором. Он тяжело болен и работать уже не может. За ним ухаживает Шурина мама. Братья и сестры Шуры учатся, и в семье сложилось очень тяжёлое материальное положение. К нам обратился старший брат Шуры, который работает в соседнем Самсонове учителем, с просьбой принять Шуру в колонию. На совещании сотрудников мы обсудили Шурину кандидатуру и сочли возможным принять его в число колонистов. Теперь, ребята, дело за вами. — Шура! — обратилась ко мне Валентина Николаевна, — покажись, пожалуйста, ребятам.

Я встал, опустив голову, чувствуя, как на меня уставились десятки глаз, и тут же сел в ожидании приговора.

— Чего там обсуждать!

— И так всё ясно!

— Принять его! — услышал я голоса колонистов.

— Давайте его в нашу группу! — предложила рослая девочка.

— Ребята! Шура будет учиться в четвёртой группе, — пояснила Валентина Николаевна.

— Ну и пожалуйста! — фыркнула девочка.

В общем, меня обсуждать не стали. Председатель только спросил, кто «за», и, поскольку все подняли руки, колония пополнилась ещё одним колонистом.

Валентина Николаевна поздравляет меня, мне бы радоваться, а я чуть не плачу. Это, наверное, все так переживают, когда в новую жизнь вступают. Паня Волков и тут не бросил меня. Он сидел рядом и, когда собрание закончилось, похлопал меня по плечу и сказал:

— Я и не сомневался, что примут. Не зря я водил тебя по колонии, теперь ты её полноправный хозяин, как и все колонисты.

Не забыли меня поздравить и две девочки, с которыми я трудился в огороде, и мой новый наставник Роман по фамилии Шефоренко.

Сразу после собрания я отправился в общежитие, чтобы написать письмо родителям и рассказать о важном событии.

Я ещё не знал, сколько подобных событий ждут меня впереди, сколько жизненных этапов мне суждено пройти. Первый из них начал отсчитывать дни.

На другой день, чувствуя себя полноправным колонистом, я уже по-другому стал смотреть на то, что до этого не привлекало моего внимания.

Например, вот эту клумбу я расположил бы поближе к общежитию и побольше посадил бы душистого горошка вдоль дорожек.

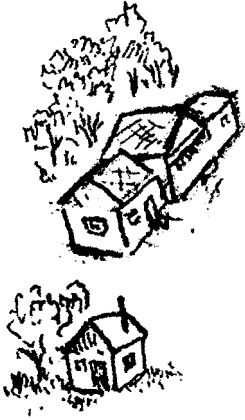
Уж очень он ароматный, особенно по вечерам.

Увидев двух девочек, подрезавших траву вокруг одной из клумб, предложил им свою помощь.

Они с удовольствием посмотрели на меня и сказали:

— Спасибо! Если ты такой сознательный, можешь собирать за нами срезанную траву. Пока клади её на дорожку, а потом мы скажем, куда её отнести.

Пока все трое трудились над приведением клумбы в порядок, мы уже друг друга называли по именам, а за обедом сидели все вместе как старые друзья.

Чижик, но не Пыжик

Игровая площадка, которая расположилась около летней столовой, никогда не пустовала, так же как и скамейки, окружавшие площадку. Я был в числе болельщиков, когда рядом со мной уселся мой наставник по огороду Роман по фамилии Шефоренко.

— Ну как, акклиматизировался? — спросил он меня.

— Чего? — не понял я.

— Привык, говорю?

— Раз не скучаю, значит, обжился, — ответил я с достоинством. Мы стали следить за игрой баскетболистов. Роману игра не понравилась, он обозвал игроков «мазилами» и с площадки ушёл. После вечерних работ я увидел его, торопливо идущего с книгами под мышкой.

— Ты в библиотеку? — окликнул я Романа. — Захвати меня!

Библиотекой заведовала Мария Даниловна со смешной фамилией — Чижик. Кто-то придумал назвать её сокращённо Марданчик.

— Не вздумай её так называть, — предупредил Роман, — она очень обидчивая.

Войдя в библиотеку, я увидел невысокую, средних лет приветливую хозяйку библиотеки. Она, чуть заикаясь, познакомившись со мной, спросила тихим голосом, что я люблю читать.

— Дайте, пожалуйста, что-нибудь поинтереснее, — ответил я.

Мария Даниловна решила, что самое интересное для меня — это, конечно, приключения, и вручила «Таинственный остров».

Постеснявшись сказать, что мне уже известны все тайны этого острова, я взял книгу и, поблагодарив Марию Даниловну, собрался уходить, но Роман меня задержал:

— Иди-ка сюда, я тебе покажу наши журналы. Мы их сами пишем, сами оформляем. Ты можешь тоже что-нибудь написать, какой-нибудь стишок или рассказик.

Я сказал, что подумаю, и стал перебирать журналы. Каждый журнал был аккуратно переплетён. Обложки были одна занятнее другой: то из серого холста, то из картона, а некоторые даже из фанеры. И на каждой обложке какой-нибудь рисунок нарисован и крупными буквами написано «Бодрая жизнь». Страницы журнала были написаны таким аккуратным почерком, каким пишут на уроках чистописания. В одном из журналов я прочитал:

«Наше хозяйство

Огород наш всё не веселит нас. Пока зацвёл один огурец, и этот цветущий огурец с гордостью показывается огородникам. На капусту напали земляные блохи. Пришлось срочно покупать махорку, чтобы сделать из неё настойку и опрыскать капусту. Очевидно, из 500 кочнов останется только 200. С курами не везёт: купили наседку за 65 коп., а она и не думает садиться, всё бегают, а вчера даже летала на самый конёк крыши».

Обзор хозяйственных дел был не очень утешителен. Оказывается, он относился к самым первым приездам ребят в колонию.

Теперь колонисты могут гордиться не одним огурцом, а сотнями.

Вторая заметка была повеселее:

«Способ приготовления киселя.

Когда Шура Шильников был поваром, то он по нечаянности положил томаты в кисель, и я предлагаю варить такой кисель почаще. Этот кисель был похож на малиновый.

М. Иванов»

В другом журнале было написано такое объявление:

«Приглашаем всех желающих принять участие в конкурсе на лучший рисунок для украшения дуги».

«С красивой дугой, наверно, и ездить будет веселее», — подумал я.

Украшают же картины колонистов и столовую, и комнаты в общежитиях.

Почему же и дугу не разрисовать?

На другой странице журнала я увидел стихотворение под названием «В лесу».

«Деревья тихо зашумели,

Влагой потянуло,

Тёплым ветерочком

Листья шевельнуло.

Птички веселее

Пели и летали,

А вдали кукушки

Звонко куковали.

А. Лушин»

Сразу было ясно, что Саню Лушина вдохновила на творчество природа, окружающая колонию.

Я так увлёкся чтением журналов, что не заметил, когда меня Роман покинул.

Перелистывая ещё один журнал, я остановился на такой статейке:

«Наша колония — это место, где все мы устраиваем кругом себя хорошую жизнь, и чем дальше, тем лучше. Это как в песне поётся: «Всё дальше, всё дальше!» Это место, где мы работаем один на всех и все на одного, где дети могут стать хозяевами, с достоинством отвечать за всё, что ими сделано, как люди, которые достаточно поработали. Наша колония должна быть местом радостной, дружной, трудовой жизни».

Что «дружная и трудовая», это я уже на себе испытал, и что не скучная — тоже. И это очень важно, потому что я не на один день в колонию приехал. Я спросил Марию Даниловну, кто эту статейку написал. Мария Даниловна сказала, немножко заикаясь:

— Если без подписи, то, наверное, Шацкий.

Первое дежурство

Колонисты делились на младших, средних и старших. Я тоже должен буду пройти это восхождение. Поскольку младших считали слабосильными и не шибко опытными, то к ним во всех делах прикрепляли старших. Вскоре подошла и моя очередь трудиться в столовой в качестве уборщика. Но прежде чем мне попасть на эту должность, ребята подвели меня к столу.

— Зачем? — удивился я.

— Проверить требуется, подойдёшь ли в уборщики, — шутливо заявил один из них.

— Ну и как?

— Раз до стола достаёшь, считай, подходишь.

Уборщики дежурили партиями по четыре человека. Я попал в девятую партию, которой завтра предстояло дежурить. Из старших нашу партию возглавил бледнолицый крепыш Коля Шильников. Представитель средних был Митя Расторопнов по прозвищу Лиса, из младших — стеснительный, молчаливый Пафнушка Глебов и я.

Уборщики — это дежурные по столовой. Встать они должны раньше всех. Обязанностей у них хватало на целый день до позднего вечера: дрова наколоть, воды натаскать, плиту для поваров растопить, хлеб нарезать, сахар наколоть, завтрак, обед и ужин раздать, посуду помыть, чистоту навести.

Настал день дежурства. Мы обрядились в фартуки.

— А тебе, Шура, идёт этот наряд, ты на девчонку стал похож, только косичек не хватает, — приговаривал Николай, завязывая мне фартук, — вот помощничков мне подсунули! За водой тебя не пошлешь — не дотащишь, дрова наколоть — не осилишь. Ну, а хлеб нарезать сумеешь?

— Попробую, — ответил я нерешительно.

Передо мной выросла целая гора ароматных кирпичиков белого хлеба.

— А как резать, вдоль или поперёк? — растерялся я.

— Аккуратно режь, и вдоль, и поперёк на равные порции.

— По сантиметрам, что ли?

— По кубометрам! — вспыхнул Николай. Но, как я ни старался, порции получались то больше, то меньше. Тогда я сообразил, что сначала кирпичик следует разрезать вдоль, а уж потом каждую половинку, отмерив ножом, делить на четыре части.

— Ну, как моя работа? — похвалился я, когда Николай подошёл ко мне.

— Вот это другое дело! Хлеборез из тебя уже получился, — похвалил меня наставник.

Уж очень соблазнительными были те порции, которые отрезались в начале и в конце кирпичика. Эти горбушки состояли из четырёх поджаристых корочек, и, когда их раскладывали на столах, к этим горбушкам и устремлялись ребята.

Завтрак и обед прошли благополучно. Посуду убирали со столов и мыли втроём.

Николай расставлял чистую посуду по полкам и на ходу командовал последующими операциями по наведению порядка в столовой.

После обеда Пафнушке Глебову поручено было вымыть большой котёл из-под супа.

Налив в него тёплой воды, он пошуровал мочалкой по стенкам котла и вытер сухой тряпкой.

— Ну, как дела? — спрашивает Николай.

— Готово! — отвечает Пафнушка.

Приёмщик подошёл к котлу, провёл пальцем по его стенке, потом подошёл к окну и посмотрел на палец.

— А ну-ка иди сюда, рабочийчек! — Пафнушка нехотя подошёл к Николаю.

— Видишь на пальце жир? Придётся переиграть, три ещё.

Пафнушка залез с головой в котел и долго ещё возился с ним, пока его взъерошенная голова не стала отражаться в стенках котла.

— Вот теперь подходяще, — похвалил Николай.

Работу заканчивали поздно вечером.

Пришла новая смена уборщиков. Пока только малыши. Они старательно стали пересчитывать посуду, сверяя её наличие с записью в тетрадке.

— Не хватает трёх мисок, — пропищал один из малышей, — и пяти ложек.

— Завтра найдутся, — ответил Николай.

— Нет уж, фигу, ищите сегодня, — возразил малыш.

Неожиданно из темноты появились Шацкий и Валентина Николаевна.

— Что-то уборщики у нас сегодня закопались, — заметила Валентина Николаевна.

— Шацкий! Ребята посуду искать не хотят, — пожаловался один из малышей.

— Что же ты, Коля, маленьких обижаешь? — с укором сказал Шацкий. — А вообще это не дело, если в поисках посуды приходится бегать по всей колонии. Надо устанавливать правило: посуда из шкафа ни под каким видом не берётся. Если берётся — только с разрешения уборщиков. И вообще сдачу дежурства надо производить блестяще. А получается как? Старшие сдают малышам пренебрежительно, а младшие старшим с боязнь — вдруг не примут, вдруг передежуривать придётся. Правильно я говорю, ребята?

— Это верно, Шацкий, — подтвердил Шильников.

— Вы, наверное, порядком устали, ребята, — посочувствовала Валентина Николаевна, — идите-ка спать. А Коля завтра посуду соберёт.

Валентина Николаевна подошла ко мне, положила руку на плечо и ласково спросила:

— Ты не очень устал, Шурик?

— Нисколько! — бодро ответил я, хотя с нетерпением ожидал сдачи дежурства.

Дорога в Морозово

Если экскурсоводом по колонии был Паня Волков, то окрестности колонии решил показать мне Коля Шильников.

— Начнём с Морозово, — предложил Коля, — во-первых, это история, а во-вторых, тебе следует знать, по какой дороге за хлебом ездить.

— В магазин? — спросил я.

— Магазинов здесь поблизости нет, одна пекарня.

Когда мы отправились в путь (а это всего две версты), новый экскурсовод пояснил, что Морозово называется по имени бывшей владелицы имения Маргариты Кирилловны Морозовой.

От колонии в Морозово шла укатанная дорога, которая называлась нижней. Верхняя же дорога тянулась от морозовского парка через лес к станции. Нижняя дорога шла по широкому оврагу, с левой стороны которого протекал ручей, впадавший в Протву. Ручей почему-то считался речкой и назывался Репинкой. Эту скудную Репинку пополняла ледяная вода резвого подземного ключа, бьющего из-под дороги. Когда-то первые колонисты соорудили вокруг ключа кирпичную кладку, превратив его в круглый бассейн, и прозвали Милым ключом. И стал этот Милый ключ любимым местом колонистов, особенно в весеннюю пору, когда в зарослях Репинки распевали свои трели соловьи. Вечерами слушать соловьёв приходили влюблённые парочки старших колонистов.

С правой стороны дороги на полпути к Морозово на пригорке распласталась ферма, сохранившаяся от морозовских владений, а под горой ухал, как филин, таран — хитроумный насос, подающий воду на ферму. На ферме были конюшня на трёх лошадей, несколько сараев и небольшой жилой домик. Достопримечательностью фермы была неизвестно когда переселившаяся сюда белоснежная копия знаменитой безрукой Венеры. Она невозмутимо стояла на кирпичном постаменте при въезде на ферму. Когда-то проходила инвентаризация фермерского имущества, и проверивший, взглянув на статую, скомандовал:

— Пиши! Статуй безрукий. Требуется ремонт.

Дальше за фермой дорога отъезжала влево и, перешагнув мост через Репинку, поднималась к сосновому морозовскому парку, а пройдя через парк, подходила к белокаменному дому под черепичной крышей с башней, которую венчал серебристый купол. Вершину башни опоясывал узенький балкончик, откуда открывался чарующий вид на заливные луга Протвы и синеющий вдали лес.

В подвале дома расположилась пекарня, снабжавшая колонистов и жителей Морозово свежим, ароматным хлебом. Обширные апартаменты дома с уютным залом с зеркалами и старинной мебелью предназначались для съездов учителей из окружающих деревень, вечеров и концертов.

— На второй этаж мы, пожалуй, с тобой не пойдём, — сказал Николай, когда мы закончили экскурсию на первом этаже. — Там расположились библиотека и комнаты сотрудников Опытной станции, — пояснил Коля.

— Какая ещё станция? — удивлённо спросил я своего экскурсовода.

— Это, Шура, ещё одно детище Шацкого. Он объединил пятнадцать деревенских школ и колонию и назвал Первой опытной станцией. Здесь собираются учителя из этих школ и колонии и обмениваются опытом своей работы.

Закончив знакомство с домом, мы вышли в парк и уселись на скамейке перед огромной клумбой цветущих пионов. А взгляд мой не мог оторваться от белокаменного красавца, опоясанного с южной стороны широкой открытой верандой.

Продолжение следует

